

УДК 316.75

ЗАКОН РЕЛЕВАНТНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ ИДЕАЛОВ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

К.М. Оганян, В.П. Бранский

Рассматривается сущность закона дифференциации и интеграции идеалов, специфика изменений поведенческого стереотипа и классификация форм межкультурных взаимодействий с точки зрения эволюции социальных идеалов.

Ключевые слова: социальный идеал; система ценностей; дифференциация идеалов; интеграция идеалов; аналитические и синтетические идеалы; стереотип поведения; межэтническое взаимодействие.

THE LAW OF RELEVANCE AND INTEGRATION OF IDEALS OF BEHAVIOURAL STEREOTYPES

K.M. Oganyan, V.P. Branskij

The article is devoted to the essence of the law of ideals' differentiation and integration, the specifics of a behavioral stereotype's changes, and classification of cross-cultural interactions forms.

Key words: social ideal; system of values; ideals' differentiation; ideals' integration; analytical and synthetic ideals; behavior stereotype; interethnic interaction.

Связь стереотипов поведения с социальными идеалами указывает на то, что эволюцию межэтнического взаимодействия нельзя понять, если предварительно не исследована *эволюция социальных идеалов*.

Идеализация любого объекта всегда предполагает освобождение его от присущих ему "противоречий" (в смысле столкновения противодействующих факторов). Поэтому само понятие идеала существенно связано с представлением о том, что лишено каких бы то ни было противоречий. Между тем, реализация идеала, даже адекватно отражающего реальные возможности развития объекта, устраняя одни противоречия, *неизбежно порождает другие*. Поэтому любая система ценностей¹ содержит в себе некую скрытую (зама-

скированную) "червоточину"². Когда последняя осознается, начинаются попытки избавиться от нее с помощью того самого идеала, который ее породил. Однако при этом выясняется, что в существующем (традиционном) виде он устранить ее не в состоянии. Тогда идеал подвергают различным (вначале незначительным) модификациям – производят, так сказать, косметический ремонт идеала. Все это выглядит вначале совсем безобидно; речь идет как будто лишь о различных толкованиях одного и того же символа веры. Однако не случайно догматики всех времен были столь бдительны: они понимали, что рано или поздно процесс неизбежно приведет к тому, что можно было бы назвать *эрозией* идеала. Так возникает серия оппортунистических, или "еретических" версий первоначально мо-

---

¹ Под "ценностью" здесь подразумевается материальное (предметное) воплощение прагматического аспекта какого-нибудь идеала: экономического – экономическая ценность, политического – политическая, этического – этическая, эстетического – художественная, мировоззренческого – мировоззренческая. См.: [1, с. 6].

---

² Например, социалистический идеал требует ликвидации социального неравенства; но когда его стали воплощать на практике, оказалось, что на смену ликвидируемому имущественному неравенству приходит неравенство корпоративное (место, занимаемое в государстве) и ликвидация одних классов (буржуазии и пролетариата) ведет к возникновению новых ("номенклатуры" и "трудящихся").

нолитного идеала. Каждая из этих версий предлагает свой способ очистки существующей системы ценностей от “червоточины”. Борьба указанных версий разрастается, различия между ними усиливаются и постепенно версии становятся самостоятельными идеалами.

Реализация последних ведет к распаду единой системы ценностей на несколько самостоятельных подсистем, между которыми возникает антагонизм – скрытые противоречия становятся явными. Обострение борьбы, дальнейшая дифференциация идеалов и приобретение ими одинакового веса ввергает общество, в конечном счете, в состояние глубокого кризиса: любые мероприятия срываются, ибо люди руководствуются диаметрально противоположными системами ценностей и поэтому не могут найти общий язык.

Естественно, что в этой грозной обстановке рождается потребность в новом глобальном идеале, который позволил бы преодолеть возникший кризис. Этот новый идеал получается путем мысленного освобождения общества от новой системы противоречий. А дальше весь процесс повторяется. Реализация нового глобального (доминирующего) идеала приводит к устранению системы противоречий, породивших кризис и, тем самым, выводит общество из кризиса, но одновременно, вносит в новую монистическую систему ценностей бациллу новых противоречий и зародыш будущего нового раздора.

Таким образом, именно закон дифференциации и интеграции идеалов, который висит как дамоклов меч над всеми социальными устремлениями, делает понятным, почему периодическая смена идеалов и обуславливаемая ею переоценка ценностей являются исторически необходимым процессом. Согласно этому закону, идеологический монизм неизбежно сменяется со временем идеологическим плюрализмом, но столь же закономерно возникает и обратная тенденция к преодолению этого плюрализма новым монизмом и т. д. Идеалам трудно избежать эрозии, а идеологическому кризису – пришествия нового доминирующего идеала, осуществляющего смелый идеологический синтез. Один из самых известных примеров такого синтеза был продемонстрирован христианским идеалом в период кризиса Римской империи: “Слияние разных богов (Зевса, Озириса, Меркурия, Митры и др.) в одно верховное божество символизировало союз всех наций под властью одного верховного правителя” [2, с. 473]. Не менее яркий пример был преподан и коммунистическим идеалом (в его марксистском варианте): он подверг критическому анализу и обобщил множество идеалов, сформировавшихся в недрах международного рабочего

движения в XIX в. Очевидно, что требуемое законом дифференциации и интеграции идеалов чередование идеологического монизма и плюрализма эквивалентно переходу от идеологического порядка к идеологическому хаосу и обратно. С точки зрения синергетики (общей теории самоорганизации), закон дифференциации и интеграции идеалов может быть охарактеризован как самый общий гуманитарный закон, описывающий *духовную самоорганизацию* человечества¹. Исторический процесс как смена исторических событий (той или иной степени значимости²) есть результат выбора из множества объективно возможных сценариев какого-то одного. Этот выбор осуществляется не просто людьми, а людьми, руководствующимися, в конечном счете, различными (и даже противоположными) интересами, а следовательно, и идеалами. Но это значит, что выбор (отбор) в общем случае определяется не каким-то одним идеалом, а взаимодействием (столкновением, суперпозицией, “борьбой”) идеалов³. И результат выбора не может быть (как правило) предсказан однозначно одним из его участников. Только конкретное столкновение множества идеалов делает выбор однозначным, но сами участники узнают о составе этого множества и “соотношения сил” внутри него только после того, как выбор был осуществлен (гегелевская “хитрость мирового разума”).

Борьба идеалов заключается в противодействии друг другу в самореализации. В общем случае реализация одного идеала мешает реализации другого (особенно противоположного, т. е. анти-идеала). Конечный результат зависит от “соотношения сил” между сталкивающимися идеалами: более “сильный” идеал (за которым стоит большее

¹ Как известно, закон дифференциации и интеграции реальности обсуждался еще в философских трудах Ф. Гегеля и Г. Спенсера, а закон дифференциации и интеграции общезначимых знаний – в работах многих историков науки. Очень любопытно, однако, то, что теоретики до недавнего времени проявляли странную непоследовательность, не решаясь на последний шаг – признание того, что наряду с законом дифференциации и интеграции знаний должен существовать и закон дифференциации и интеграции общезначимых желаний.

² Сюда относятся не только политические события, но и экономические, этические, эстетические, философские, религиозные и т. п.

³ Как показывает социальная синергетика (См.: [3, с. 55]), это взаимодействие является результатом суперпозиции (наложения) как конкуренции (дивергенции), так и кооперации (конвергенции) взаимодействующих факторов [4].

число пассионариев – лиц, одержимых данным идеалом) имеет лучшие шансы на реализацию, чем более “слабый”. Так как “соотношение сил” между идеалами может меняться (пассионарная зона идеала может испытывать флуктуации – расширяться или сужаться), то в ходе борьбы возникает *обратная связь* – результат частичной реализации идеала или неудачи в этой реализации оказывает обратное воздействие на идеал, подвергая его частичной корректировке (модификации). Именно это обстоятельство способствует дифференциации или интеграции идеалов.

Таким образом, взаимодействие идеалов приводит, в конечном счете, к их дифференциации и интеграции, а дифференциация и интеграция, в свою очередь, влияет на это взаимодействие, направляя его в ту или другую сторону.

Итак, в результате действия закона дифференциации и интеграции идеалов возникают два существенно разных типа идеалов:

- дифференциальные, или аналитические;
- интегральные, или синтетические¹.

Аналитические идеалы, отражая менее общие интересы, обладают сокращенной пассионарной зоной; синтетические, выражающие более общие интересы, связаны с расширенной пассионарной зоной. Естественно поставить вопрос: в чем специфика в реализации аналитических и синтетических идеалов? Существует ли заметное различие между ними в этом процессе? Для ответа на этот вопрос обратимся закону релевантности. Согласно этому закону аналитический идеал сможет реализоваться, если он найдет в недрах старого поведенческого стереотипа (старого этнического стереотипа) некоторый субстереотип (старый субэтнический стереотип), чьи *нормативы совпадают с требованиями реализации этого аналитического идеала*. Может, однако, оказаться, что такого субстереотипа в готовом виде нет. Тогда, как мы уже видели ранее, при определенных условиях существует возможность приготовить (сформировать) такой аналитический стереотип с помощью модификаций субстереотипов, из которых состоит исходный глобальный стереотип.

Нетрудно догадаться, что каждый норматив поведенческого стереотипа может быть подвергнут следующим изменениям:

- вытеснение (замена) данного норматива аналогичным нормативом, заимствуемым из другого стереотипа; что например, переход от

¹ Термин “дифференциация” употребляется здесь в том же смысле, что и расщепление, анализ, дивергенция; термин “интеграция” – в смысле слияния, синтеза, конвергенции.

своего языка (диалекта) к другому языку (диалекту) – то, что принято называть *языковой ассимиляцией*;

- соединение (совмещение, сочетание) данного норматива с другим, заимствуемым из другого стереотипа, например, переход от одноязычия к двуязычию;
- слияние (взаимопроникновение, сплав) данного норматива с другим, взятым из другого стереотипа, например образование нового языка (диалекта), сочетающего в себе органически (а не механически) некоторые черты исходных языков (диалектов).

Трем возможным модификациям любого норматива поведенческого стереотипа можно придать следующий наглядный смысл. Пусть в качестве такого норматива фигурирует обычай строить жилище определенным образом (архитектурная традиция). Допустим, что речь идет о постройке королевского дворца. Тогда в Бангкоке, столице Таиланда (буддийской страны, где европейское культурное влияние было особенно сильным), мы можем наблюдать моделирование всех трех выше указанных модификаций:

- замена старого дворца, построенного в традиционном буддийском стиле, новым в европейском стиле;
- сооружение рядом двух дворцов – одного в буддийском стиле и другого в европейском;
- сооружение нового дворца, органически сочетающего буддийский стиль с европейским Ренессансом (дворец Рамы V в Королевском кремле в Бангкоке).

Процессы, связанные с возможными модификациями стереотипа поведения, принято называть этническими [См.: 5, с. 73–96]. Если в обществе действует закон детерминации бытовым стереотипом небытовой (или, что то же, “надбытовой”) деятельности (о котором шла речь раньше), тогда межэтническое взаимодействие должно проявляться на практике в форме так называемого межкультурного взаимодействия (система культурных влияний). При этом на бытовом уровне межэтническое взаимодействие проявляется в форме межкультурного взаимодействия непосредственно, а в случае небытовых форм деятельности опосредованно (косвенно).

Таким образом, закон детерминации бытовым стереотипом небытовой (надбытовой) деятельности приводит к следующей естественной классификации разных форм межкультурного взаимодействия (см. таблицу 1).

Одним из самых элементарных и в то же время наиболее ярких проявлений зависимости культурного обмена на небытовом уровне от культурного обмена

Таблица 1 – Основные типы и виды межкультурного взаимодействия

Основные типы межкультурного взаимодействия	Основные виды межкультурного взаимодействия (виды культурных влияний)
Культурный обмен на надбытовом уровне	Технический обмен (передача изобретений, технологий и т. п.)
	Научный обмен (научные конференции, книгообмен и т. п.)
	Мировоззренческий обмен (изучение философских и религиозных трактатов, распространение идеологического культа и т. п.)
	Художественный обмен (художественные выставки, распространение художественных стилей, передача художественных произведений и т. п.)
	Политический обмен (заимствование методов управления и судопроизводства, передача вооружений и т. п.)
	Экономический обмен (торговля, гуманитарная помощь, кредиты и т. п.)
	Заимствование стиля общения (обычаев, привычек и т. п.)
	Заимствование характера распределения семейного бюджета (в частности, перераспределение бюджета в пользу развлечений)
	Заимствование характера чередования труда и отдыха (в частности, распространение новых массовых развлечений)
Культурный обмен на бытовом уровне	Заимствование стиля семейных отношений (например, распространение пуританской или адюльтерной морали)
	Заимствование транспорта (например, европейский велосипед в Африке)
	Заимствование средств гигиены (например, финские сауны в России)
	Заимствование языка (например английский язык в Японии)
	Заимствование стиля жилища (например, швейцарское шале в Непале)
	Заимствование стиля одежды (распространение французской моды в США и т. п.)
	Заимствование блюд и напитков (например, китайская кухня и русская водка в Западной Европе)

на бытовом уровне является то хорошо известное обстоятельство, что эффективный культурный обмен в любых сферах небытовой деятельности невозможен без языкового обмена на бытовом уровне.

В общем случае межкультурное взаимодействие представляет собой систему взаимных культурных влияний между разными этносами. При этом культурное влияние одного этноса на другой, вообще говоря, противоречиво: компонент чужой культуры может приниматься (заимствование), отвергаться (отторжение) или даже одновременно частично приниматься, а частично отвергаться (сочетание заимствования с отторжением) [6, с. 93–97; 7, с. 253–259; 8]. Поэтому основная проблема теории межкультурного взаимодействия состоит в объяснении *характера культурных влияний*, т. е. отмеченной противоречивости. Почему иногда вроде бы не очень полезная с утилитарной точки зрения компонента нашей культуры с энтузиазмом принимается чужой культурой, носителем которой является чужой этнос, а иногда, казалось бы, очень полезная в утилитарном отношении компонента с негодованием отвергается?

Ключ к расшифровке этой загадки дает упоминавшийся уже закон релевантности. Чтобы понять, как он это делает, рассмотрим некоторые

исторические примеры. Как известно, в эпоху становления Арабского халифата (VIII в.) стремительно завоевывавшие одну за другой средиземноморские страны войска арабских халифов уничтожали в завоеванных странах запасы вина. В то же время объединенная польско-австрийская армия под командованием польского короля Яна Собеского, разгромив в 1683 г. под Веной турецкие войска и избавив, тем самым, Западную Европу от турецкого порабощения, совсем иначе отнеслась к огромным запасам кофе, обнаруженным в турецком лагере. Именно после 1683 г. восточный обычай пить крепкий кофе получил в Западной Европе самое широкое распространение. Ясно, что обычай употребления вина был несовместим с исламским идеалом, запрещавшим употребление спиртных напитков как “орудия Сатаны”. В то же время обычай пить кофе не противоречил христианскому идеалу и, даже более того, способствовал повышению “пассионарности” (энтузиазма) последователей этого идеала. Разумеется, если бы христианский идеал провозгласил кофе таким же “орудием Сатаны”, как это сделал исламский идеал со спиртными напитками, то участь турецких кофейных запасов была бы иной.

С очень похожей картиной мы встречаемся в области уже не бытового, а политического культурного влияния. В 1543 г. португальские моряки, пристав к японским берегам, обменяли несколько ружей на еду и воду. Через 30 лет новые португальцы, причалив к тем же берегам, встретили 20-тысячную японскую армию, вооруженную точной копией тех ружей. Примечательно, что такое быстрое и легкое восприятие чужого опыта произошло в стране, гордившейся своим изоляционизмом и недоверием к европейской культуре. Между тем, в 1857 г. англичане решили усовершенствовать вооружение индийской армии, состоявшей из наемных туземных солдат – сипаев. Они ввели новые бумажные патроны для ружей. Но сипаи отказались их употреблять, что явилось поводом для грандиозного восстания сипаев, жестоко подавленного англичанами. Оказывается, новые патроны были смазаны свиным и говяжьим салом. Между тем, армия сипаев состояла из индийцев двух вероисповеданий – мусульман и индуистов. Исламский идеал запрещал иметь дело со свининой, а индуистский – с говядиной, ибо свинья – грязное, а корова – священное животное. Таким образом, англичане легкомысленно травмировали религиозные чувства сразу двух конфессий.

В то же время позитивная реакция японцев на чуждое им европейское вооружение была естественной по аналогичной причине: употребление этого оружия не только не противоречило их воинственному синтоистскому идеалу, но косвенно даже поощрялось им, ибо более эффективное оружие могло способствовать более эффективной защите и реализации указанного идеала.

Резким контрастом выглядит также быстрое распространение американских фильмов и американской электроники в 50-х и 60-х годах в Таиланде и поджоги кинотеатров, в которых шли голливудские боевики, и разрушение с истинным сладострастием дорогостоящей американской телевизионной техники (включая оборудование телецентров) в 1978 г. в Тегеране и других городах Ирана. В свете сказанного неудивительно, что исламские фундаменталисты предпочитали, чтобы страдающие от голода и жажды дети мусульман лучше бы погибли, нежели воспользовались гуманитарной помощью заокеанского Сатаны – американским шоколадом и “кока-колой”. Из сказанного ясно, что характер культурного влияния (отторжение или заимствование) определяется, в конечном счете, доминирующим в данной культуре *социальным идеалом*: если культурное влияние способствует формированию поведенческого стереотипа, *релевантного данному идеалу*, тогда оно приобретает положительный характер (заимствование),

а если, наоборот, препятствует сближению стереотипа и идеала – тогда неизбежно отторжение.

Можно смело сказать, что ни один народ не заимствует у другого то, что может прийти в противоречие с его жизненным идеалом. Идеал играет роль сурового цензора, пропускающего то, что согласуется с ним, и отбрасывающего то, что ему противоречит.

Эта цензорская функция идеала порой принимает очень тонкий и трудноуловимый характер. Для непосвященного она может казаться совсем незаметной. Так, в СССР в 50-х гг. изучение ведущих европейских языков в обычных школах и филологических вузах велось по преимуществу в пассивной (переводы), а не в активной (общение) форме. Такое недостаточно эффективное приобщение к культуре западных стран могло показаться результатом чьей-то халатной небрежности. Однако в действительности оно было обусловлено сознательным и целенаправленным стремлением укрепить “железный занавес”, созданный советскими средствами массовой информации, – затруднить получение советскими гражданами объективной информации из-за рубежа, что могло бы подвергнуть эрозии коммунистический идеал (особенно в связи с его требованием мировой революции) и создать угрозу для самого его существования. Свободное владение иностранным языком выглядело с этой точки зрения не как достоинство, а как серьезный недостаток (о чем не подозревали наивные авторы обычных анкет). С точки зрения близости советского стереотипа поведения коммунистическому идеалу только моноглот, глухой к чужому культурному влиянию, выглядел надежным (“своим”) человеком, тогда как полиглот, жаждущий чужеземных культурных влияний, казался опасной (“чуждой нашему строю”) личностью.

Насколько сложным и причудливым может быть участие идеала в межкультурном взаимодействии, видно из следующего давно забытого исторического эпизода. Как уже отмечалось, нацистский идеал требовал полного отторжения не только еврейской культуры, но и ее носителей (холокост). В то же время Министерство пропаганды нацистской Германии приняло парадоксальное решение о создании в Праге Международного музея еврейской культуры. В этот музей с немецкой аккуратностью свозились экспонаты со всей оккупированной Европы (и из других стран). Парадоксальность организации такого музея нацистами, однако, сразу исчезает, как только мы учтем, что его целью было не приобщение немецкого и других “арийских” народов к еврейской культуре, а пропаганда изоциренного антисемитизма, в которой экспонаты му-

зья должны были играть роль вещественных аргументов в пользу нацистского идеала.

Итак, культурные влияния (отторжение и заимствование) осуществляются в конечном счете с помощью разнообразных этнических процессов, регулятором которых выступают различные социальные идеалы. Закон релевантности потому и является ключом к объяснению характера межкультурного взаимодействия, что этот характер определяется взаимодействием поведенческого стереотипа и социального идеала. Это взаимодействие имеет два аспекта:

- выбор из множества возможных стереотипов одного с помощью данного идеала;
- выбор из множества возможных идеалов одного с помощью данного стереотипа.

Примеры первого аспекта мы уже приводили. Иллюстрацией же второго может служить известный рассказ древнерусского летописца о выборе киевским князем Владимиром Святославичем в 988 г. из трех религиозных идеалов – иудаистского, исламского и христианского – христианского идеала, который пришел на смену идеалу языческому. Этот выбор был сделан в частности, на том основании, что только христианский идеал (среди указанных) соответствовал такому нормативу древнерусского стереотипа поведения, как “Руси есть веселие пити – не можем без этого жити”.

Литература

1. Оганян К.М. Ценностные ориентации в трудовом поведении и кросскультурное исследование трудовой миграции / К.М. Оганян, А.К. Саакян, Н.Н. Покровская, А.Ж. Бахсян. Ереван: EDIT PRINT, 2012. 372 с.
2. Munro T. Evolution in the Arts and Other Theories of Culture History / T. Munro. N.Y., 1963.
3. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики / В.П. Бранский // Петербургская социология. 1997. № 1.
4. Оганян К.М. Социальная синергетика: учебное пособие с грифом УМО по классическому университетскому образованию / К.М. Оганян, В.П. Бранский. Изд. 2-е. СПб.: Изд. дом “Петрополис”. 2010. 192 с.
5. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность / Ю.В. Бромлей. М., 1987. С. 73–96.
6. Оганян К.М. Методологические основы исследования межпоколенных отношений в обществе / К.М. Оганян // Материалы международной конференции “Культурная идентификация молодежи в условиях глобализации”. СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2010. 483 с.
7. Оганян К.М. Методологический анализ признаков поколений. Материалы международной конференции “Культурная идентификация молодежи в условиях глобализации” / К.М. Оганян // Философско-культурологические проблемы идентичности в контексте современности. СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2010. 490 с.
8. Оганян К.М. Коммуникативные ресурсы отношений между представителями крайних возрастных групп (на примере родообщинных отношений рода Огана) / К.М. Оганян, К.К. Оганян, А.Ж. Бахсян // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: материалы Международной конференции “Конфликт поколений в контексте информационной глобализации”. СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2007.